

УДК 091

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-4

Унукаев Г. А. | Познавательный потенциал фэнтези 1985-2000-х гг.

Московский педагогический государственный университет,
ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия; zzogark@gmail.com

Аннотация. Автор подходит к рассмотрению вопросов познания, а также познавательного потенциала, обращаясь к явлению фэнтези в конкретный временной период с его характерными особенностями и проблематикой в сфере историко-философских идей и познания, связанной с формой и смысловыми структурами. В статье это рассматривается с нескольких сторон, как то: исторические пути к осознанию необходимости изменений в понимании познания; роль в познании конкретного человека в качестве познающего субъекта; влияние на познавательный потенциал фэнтези произведений А. Сапковского и ряда других авторов; самопознание в контексте разнородного воздействия фэнтези на человека. Показано, что в анализе познавательного потенциала исследуемого периода играют важную роль не только подходы и формы, но и исторические вопросы и закономерности, поскольку важно учитывать живого и познающего субъекта в условиях окружающего мира, а также проблемы процесса познания в рамках переосмысления мифа и традиции. Необходимость обращения к фэнтези для понимания процесса познания и его потенциала в 1985–2000-х гг. обосновывается через исследование эссе А. Сапковского «Вареник, или Нет золота в Серых Горах», в котором польский писатель как выдвигает свои идеи, связанные с явлением фэнтези, так и дискутирует с Дж.Р.Р. Толкином и его работой «О волшебных сказках». Автор статьи приходит к выводу, что познавательный потенциал фэнтези не только предоставляет возможности для понимания мира и действительности, но и в значительной мере раскрывает историко-философскую характеристику конкретного временного периода.

Ключевые слова: познание; субъект; дух времени; сегментация; фэнтези

Для цитирования: Унукаев Г. А. Познавательный потенциал фэнтези 1985–2000-х гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 152-159. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-4

G. A. Unukaev | The cognitive potential of fantasy in the 1985-2000s

Moscow State Pedagogical University,
bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; zzogark@gmail.com

Abstract. The author approaches the consideration of issues of cognition and cognitive potential by referring to the phenomenon of fantasy in a specific period with characteristic features and problems both in terms of historical and philosophical ideas and cognition, and in terms of new aspects of the form and semantic structures of fantasy. The article considers this from a number of angles, such as: historical ways of

becoming aware of the need for changes in the understanding of cognition; the role of a specific person as a cognitive subject in cognition; the influence of the works of A. Sapkowski and a number of other authors on the cognitive potential of fantasy; self-knowledge in connection with the changeability of various spheres of influence of the phenomenon of fantasy on a person. It is shown that in the analysis of the cognitive potential of the period under study, not only approaches and forms play an important role, but also historical issues and patterns, since it is important to take into account the problems of the cognitive process in the framework of rethinking myth, tradition, as well as a living and cognitive subject in the conditions of the surrounding world. The need to turn to fantasy in order to understand the process of cognition and its potential in the 1985-2000s is substantiated. This is done by studying A. Sapkowski's essay "Varenik, or No Gold in the Grey Mountains", in which the Polish writer presents his ideas on the phenomenon of fantasy and discusses them with J.R.R. Tolkien and his work "On Fairy Tales". The author concludes that the cognitive potential of fantasy not only provides opportunities for understanding the world and reality, but also reveals the historical and philosophical characteristics of a particular period.

Keywords: cognition; subject; spirit of the times; segmentation; fantasy

For citation: Unukaev G. A. (2024), "The cognitive potential of fantasy from 1985–2000", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 152-159, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-4

Чем больше изменений выпадает на определенную эпоху, контексты и дух времени, чем более сегментированным становится мир, в котором общество обретается, тем сложнее и серьезнее возникают проблемы в подходах, методах, процессах, связанных с приобретением знаний человеком как о мире, так и о самом себе. Обращаясь к изменениям в познании, мы видим, что они приобретают все более широкий характер, выступают за грани предшествующих форм и с кумулятивным эффектом требуют от человека обращаться не только к гносеологии и логике рации, но и к аспектам существования конкретных людей, к их экзистенции, истории, метафизике. Особенно это становится заметным в контексте глобализации, упрощения доступа к информации, объединения идей и теорий, что диктует стремящееся все быстрее вперед время от второй половины XX века. Оформляется потребность оживления познания, ибо очевидным становится его «неполноценность», когда уходят

метанарративы, и познающий субъект становится в центр. Это «порождает новые и актуализирует существующие в истории философии проблемы, не выявленные или отвергавшиеся в традиционной гносеологии», – как пишет Л.А. Микешина (Микешина, 2008: 6).

Действительно, современная философия все больше стремится к тому, чтобы соединить абстрактные концепции и логические умозаключения с реальным человеком – мыслящим, познающим, действующим, чувствующим. Существовавшая ранее тенденция игнорировать человека или считать его второстепенным, уходит, оставаясь лишь в классических философских системах или в технических методах формализации знания. Сегодня мы понимаем, что человек всегда играет важную роль, и его игнорирование неизбежно сказывается на понимании событий и процессов. Традиционная рациональность, игнорируя сложности эмпирического субъекта, не доверяет человеку, считая его

подверженным эгоизму, предрассудкам и иллюзиям. Это заметно в движении мысли от О. Конта до «пролиферации» П. Фейерабенда (Фейерабэнд, 2007: 53), и в скептически относящемся к человеческому «Я» методе познания Декарта, и в идеях Платона в «Теэтете» и «Государстве».

Познание требует не только новых форм и подходов, но и выявления его исторических особенностей, ведь сейчас оно стоит не только перед «проблемой отношения к традиции», но и перед переосмыслением мифа, особенностями изменяющегося аксиологического базиса, мировоззренческого статуса в контексте конкретики экзистирующего, живого и познающего человека. Наиболее ярко данные изменения можно проследить на примере произведений искусства. Чем сильнее они воздействуют на людей, тем явственнее их взаимосвязь как с историей, так и с идеями в истории, т. е. с познанием человека и его потенциалом. Именно поэтому следует обратиться к жанру фэнтези, чтобы проследить в нем особенности познания и потенциал, который он в данном разрезе приобретает.

Мы можем видеть, что начало XIX века является временем господства “fantasy”. Однако речь идет не о жанре фэнтези как таковом, а о предваряющем исследуемое нами явление романтическом варианте фантастики. Исследовательница Е.Н. Ковтун в работе 1999 г. так и называет этот вариант – “fantasy” (Ковтун, 1999: 57). Исходя из основ, структуры и традиции готических произведений (М.Г. Льюиса, Жака Казота, основателя жанра Х. Уолпола и др.), в которых будут рассматриваться с поэтической и эстетической сторон ужасное и сокрытое, авторы будут придавать значение фантазии в общем и вымыслу в более конкретном смысле. Этот аспект вымысла станет для них неким хранилищем, силосом, если угодно, чувств прекрасных и великих, идеальных ощущений. «Основной тип фантастической посылки в это время (у Э.Т.А. Гофмана, Э. По, В. Жуковского, М. Лермонтова,

Н. Гоголя) – допущение существования сверхъестественного мира (описываемого, как правило, в традициях христианской демонологии или восточной мистики), где царят абсолютные Добро и Зло, оказывающие непосредственное влияние на человеческие судьбы», – пишет о готическом романе Е. Ковтун (Ковтун, 2008: 82). Однако в эру романтиков уже начнут проявляться рациональные зерна, подход к фантазии станет выражаться в рассудочном аспекте. Нет сомнений в том, что эти зерна не созревают сами по себе. К примеру, «Франкенштейн», «Песочный человек» уже будут содержать примеры неких выдуманных, но наделенных интеллектом механических существ. Безусловно, в них чувствуется влияние и ощущаются отголоски легенд о Големе. Данный посыл говорит о стремлении гармонизировать человека, развить потенциал, наделить его возможностями и титаническими способностями, что черпается из эпохи Возрождения. А реализация данных мотивов возможна только при развитии интеллектуально-рациональных сил, которые имеют как современные корни, так и потребности в «закалке» человека. Именно стремление к проработке «возможностей» человека, то есть познающего субъекта, включая его экзистенцию, но с сохранением логики рации, подход к познанию в философии языка М. Хайдеггера («дом бытия») (Хайдеггер, 1993: 192), либо же обоснованная вера в него, например, по Дьюи, с «традиционной» гносеологией Д. Локка и И. Канта, дает фэнтези как явлению, обращающемуся к философским идеям, возможность осмыслять действительность без отчуждения человека (без падения в культурно-аксиологические кризисы).

Следующей важной для нас вехой представляется эпоха Дж.Р.Р. Толкина (середина XX века), которая в фэнтези обозначила себя в контексте формирующегося постмодерна, общества, все еще находящегося в периоде

глобального кризиса после мировых войн, общества в процессе изменений. Однако также мы можем наблюдать, что в это время явление фэнтези имело свои дихотомии – добро и зло, порядок и его отсутствие, правильные интенции и падение в пучину отсутствия смыслов. Все же Толкин имеет благого бога – Эру Илуватара, сотворившего мир посредством Айнулиндалэ, даровавшего своим детям свободу выбора и воли (Толкин, 2015). Однако, наряду с абсолютно правильными и интенционально благими действиями и видением Валар, присутствует противовес абсолютного (с точки зрения самого Толкина) зла и ужаса, порабощения и отсутствия голоса, подавления и отчуждения. Мелькор в стремлении к власти, силе и искажению; Саурон, стремящийся подавить волю, навязать огонь, машины и смерть (Толкин, 2009). При этом действия простых людей, аналогичных хоббитам, единство, смелость, чувство долга и стремление к подлинному (от Эру) добру, приводят к разрешению ситуации, грозящей крахом всему миру. Безусловно, настроения и характеристика духа времени здесь недвусмысленна. Волшебная сказка открывает пути реализации творческого потенциала, заполняя дыру в человеческих душах размером с Бога, как писал Сартр (см.: (Сартр, 1989)). Безусловно, это важнейшая особенность фэнтези, которую данное явление, если оно не является суррогатом, несет в себе и по сей день. Однако мир меняется, пути трансляции культуры подвергаются изменениям, глобализация охватывает человечество все сильнее, вырабатываются новые «правила» международного, также и межличностного взаимодействия, возникают новые философские идеи и течения. История философии учит нас, что нельзя стойко верить в ограниченность человеческой мысли, в неизменность форм и смыслов в контексте эволюции общества и восприятия бытия общего и индивидуального. Именно здесь познание

мира представляется не только уделом ученых, мыслителей и различных методологий, но и задачей каждого – задачей сохранения себя и своего места в мире. Ощущение потерянности же будет приходиться с прогрессией сегментации, что особенно ярко начнет проявляться в 80-е годы XX века. Посему и стоит обратить внимание на то, чем характеризуются познавательные возможности фэнтези именно этого отрезка.

В рамках фэнтези 80-х и начала 90-х годов наблюдается парадоксальная ситуация: жанр, со времен Толкина связанный с глубокими философскими и эстетическими идеями, вернее, ставящий их на пьедестал собственной актуализации, превращается в простое, лишённое смысла развлечение, перестает нести в себе интеллектуальность. Эта тенденция имеет несколько причин, и одна из них заключается в отсутствии понимания и поддержания канона, который установили великие мастера жанра, такие как Дж.Р.Р. Толкин, У. Ле Гуин и некоторые другие. Вместо того чтобы искать и открывать новые миры на пути к познанию собственного творческого начала и сил духа, авторы массово склоняются к «банальному» и «примитивному» стилю, который сосредоточен на физическом насилии и сексуальных сценах, лишённых эстетической и интеллектуальной глубины. Это обусловлено не только отсутствием творческого видения, но и желанием угодить инфантильному читателю, который стремится только к легкому развлечению. Безусловно, здесь невозможно во всем обвинить самих индивидов, это продукты культуры и тенденция времени, однако ситуация приводит к тому, что многие авторы, способные создавать интересные и глубокие произведения в других жанрах, в фэнтези деградируют, попадая под влияние поверхностных стереотипов и «низких» вкусов массовой аудитории. Польский автор А. Сапковский связывает это с природой начала фэнтези – бульварного

читава, однако складывающаяся «погода» в духе времени, безусловно, принадлежит циклону, формирующемуся в пучине постмодерна. Таким образом, фэнтези находится в кризисе, который не только отрицательно сказывается на развитии жанра, но и лишает читателей возможности открыть для себя бесконечный потенциал и глубину фэнтези как литературного жанра – так можно посчитать, однако литературное упрощение, снятие флера серьезного выражает новый способ прийти к пониманию этой новой постметафизической реальности. Самоидентификация, новый поворот познания внутри себя – вот роль фэнтези, которая добавляется к классическим аспектам, сформированным Дж. Толкином. Но что приводит к таким особенностям, формирующимся в литературе, в идеях, отражающихся в фэнтези? Особенно показательны здесь творчество А. Сапковского, характерного и значимого представителя фэнтези исследуемого нами периода, чьи произведения, персонажи, взгляды и сюжеты оказывают влияние на развитие жанра и по сей день.

Для нас важно эссе Анджея Сапковского “*Piróg albo Nie ma złota w Szarych Górach*” («Нет золота в Серых Горах»), вышедшее в 1993 г. – в новое время, которое напиталось всей полнотой инаковости предшествующих лет, время разуверившихся и время ищущих. Эссе является большим вопросом, если угодно, актом познания субъекта, находящегося во времени «дешевизны», сегментации и утраты предпосылок. Новая реальность – реальность вторичного, реальность повтора, попыток играть на низменных интересах жаждающей простоты, похоти и крови толпы. Не все так ограничено и витально-вульгарно, но затрагивает злободневные вопросы как философского характера (смысл и попытки опознания новой методики познания изменений), так и литературного, социального и конкретно постмодернистского.

Эссе Сапковского, можно сказать, является попыткой постдискуссии с толкиновской работой «О волшебных сказках» (Толкин, 1994). Однако если последняя работа затрагивает вопросы роли волшебной сказки, влияния творчества на людей и «вскрытие» (эвкатастрофу) способности творить, то есть благо, утешение, праведный эскапизм, то «Нет золота в Серых Горах» является попыткой осознать не исток фэнтези, а также его роль для человеческой фантазии и значение классического восприятия морали, но познать реакцию фэнтези на современную Сапковскому реальность. Да, польский автор кратко затрагивает специфику появления и истоки фэнтези в разделах «Фэнтези – большой взрыв» и «Фэнтези – расширение», дает определение в разделе «Определения в карете из тыквы», однако упор делает на потребность людей в идентификации себя, в познании собственных особенностей. Он замечает: «А мы? От чего убежать нам (не говоря о нестерпимом желании бежать вообще как можно дальше от того, что мы видим вокруг себя)?» (Сапковский). Говорит он это в контексте осознания потребности эскапизма в середине XX века, но в его время попытки опознания глобальных смыслов уже распространились на все сферы жизни, следуя всеобщей сегментации. Системы отопления, которые не дают тепла, поезда, которые беспощадно опаздывают, люди, которые хамят друг другу, дурно пахнущая и холодная вода, текущая из кранов и т. д. Речь идет о том, что деконструкция, присущая духу времени, проявляется в тексте, низводя роль фундаментальных, важных вопросов до способов и даже потребности в оправдании себя в данном нам в ощущении мире. Сапковский отмечает и проблемы самого жанра фэнтези, переживающем, как он считает, упадок.

Анализируя работу Сапковского, а также само фэнтези, мы выявляем интересную тему, которая выходит за рамки простого обсуждения проблематики

массового общества и повсеместного упрощения и затрагивает более фундаментальные вопросы о роли и статусе канона в искусстве, а также о природе постмодернизма в контексте познания и литературы. Автор, признавая свои собственные «ошибки» в отсутствии стремления к реализму, который характерен редукции развитого постмодерна, в стиле своих произведений, сталкивается с осуждением со стороны среды, связанной с литературой. Ему предъявляется упрек в незнании священных правил и законов фэнтези, в отрицании канона, установленного Толкином и другими классиками жанра. Однако в этом упреке скрывается глубокое недоразумение. Постмодернистская философия, которая в большей степени отражает современное мышление, отвергает идею единственного и неизбежного положения вещей. Она считает, что каждый текст является продуктом своего времени и культуры и должен быть осмыслен в контексте этой реальности (ибо познание зависит от текста и субъекта). «Ляпсусы», как переводит Сапковского Е. Вайсброт, в постмодернистском стиле могут быть интерпретированы не как ошибки, а как проявления творческого импульса и деконструкции традиционных норм и стереотипов. Описанные польским автором в «Саге о Ведьмаке» «батистовые трусики», принадлежащие Ренфри, в этом смысле не являются формой греха или некой анафемой, а могут быть рассмотрены как элемент постмодернистского путешествия во времени, который размывает границы между миром фэнтези и реальностью, поскольку мы заведомо понимаем, что в аналоге средневекового общества ничего подобного быть не могло, но и отказаться от характеристик духа времени не можем. Нерелевантным будет сказать, упрощая, что это ошибка; нет, это стилистический прием, который выступает как проявление творческой свободы и независимости от канонов, поскольку, несмотря на

упрощение, сегментация мира для обывателя усложняет его понимание. Таким образом, новые, характерные для фэнтези с 80-х гг., «ляпсусы» перерастают в философскую дискуссию о природе познания искусства и постмодернизма. Это симптомы новой эстетической парадигмы, которая отвергает устоявшиеся нормы и каноны и стремится к творческой свободе и деконструкции традиционных представлений. Опасность здесь заключается в том, что вместо того, чтобы искать и открывать новые миры и философские концепции, многие авторы фэнтези склоняются к бульварному, легкому стилю, последователей которого характерно описывает Сапковский термином «фанатики». Упор зачастую делается на обложку, обертку, не на праведный эскапизм Толкина и даже не на познание, но на обратную ситуацию – полный отказ от осознания действительности, противоположность платоновскому движению к свету, к благу, к истине, к «настоящей» природе вещей. А. Сапковский делает акцент на том, что фэнтези отходит от эстетики артурианы, но обращается внутрь каждой конкретной культуры, в которой осуществляется творчество. В разделе «8 : 33» он пишет: «Ибо кто-то вдруг вспомнил, что мы-де тоже не лыком шиты. Отталкиваясь от верного, на первый взгляд, положения, что опираться на архетипы есть ретроградство и вторичность, авторы младшего поколения схватили авторучки – и “процесс пошел”! Неожиданно в нашей фэнтези стало славянско, пресно и красно, похотливо, кисло и льняно. Свойски» (Сапковский).

Эта «свойскость» характерна интуитивизму, так значимому для эпистемологии второй половины XX века. Аксиологические основы, хоть и распределены исторически в тех или иных культурных пластах, философских школах, становятся в фэнтези интуитивно понятными и начинают господствовать над всем произведением. Нарративно-лингвистический дискурс эпистемологии

здесь особенно читаем. Похожим образом характерны и работы Ф. Анкерсмита – исторический опыт, привносимый фэнтези в меняющийся мир, – доступный нам опыт, который мы постигаем через рефлексию того, что нам досталось из былых времен и культуры (Анкерсмит, 2007).

Подобного рода рефлексия, точнее, необходимость ее и рамки для осознания/подхода к ней – вот доминирующая возможность фэнтези, потенциал в познании, открывающийся с 80-х гг. и заметный до начала XXI века. Он пришел на смену самоутешению и познанию себя путем реализации творческой составляющей человека, описанной Дж. Толкином. А. Сапковский, отражая реальность в своих произведениях, говорит об идеях познания, возникающих у субъекта, находящегося в контексте сегментации, турбулентности и утери смысла, об акте познания, укорененном в тело человеческого (конкретно – ведьмачьего) стремления выжить, то есть про «весь путь познающего субъекта в мире эмоций и переживаний, в мире познания и ценностей» (Грифцова, 2021: 13). Эту тенденцию чуть позже подхватит и Дж. Мартин в своем цикле «Песнь льда и огня», вводя в познание действительности героями своих произведений особенности человека своего времени, вместе со всеми его вопросами и проблемами, а также обращаясь к историческим примерам. Учитывая популярность и влияние явления фэнтези, его читательский охват, мы можем с уверенностью говорить, что познавательный потенциал фэнтези, раскрывшийся по-новому в 80-е годы XX века, не только обнажил элементы и проблематику познания эпохи, открывающиеся перед человеком, но и предложил свои возможности в понимании мира и действительности. Именно они проложили дорогу новому витку популярности и возможностей фэнтези в XXI веке, но это уже дело другого анализа.

Литература

- Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А.А. Олейникова. М.: Европа, 2007. 608 с.
- Грифцова, И.Н. Образ современного философа: Л.А. Микешина // Ценности и смыслы. 2021. № 1. С. 6-23.
- Ковтун, Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Издательство МГУ, 1999. 306 с.
- Ковтун, Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 405 с.
- Микешина, Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008. 560 с.
- Сапковский, А. Нет золота в Серых Горах // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/sapkovskiy_andgey/net_zolota_v_serih_gorah.html#55642 (дата обращения: 20.08.2024).
- Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева. М.: «Политиздат», 1989. С. 319–344.
- Толкин, Дж.Р.П. Властелин колец / пер. с англ. А.А. Кистяковского, В.С. Муравьева. М.: АСТ, 2009. 1120 с.
- Толкин, Дж.Р.П. О волшебных сказках // Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб.: Северо-Запад, Академический проект, 1994. С. 365–450.
- Толкин, Дж.Р.П. Сильмариллион / пер. с англ. С.Б. Лихачевой. М.: АСТ, 2015. 432 с.
- Фейерабенд, П. Против метода: Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.
- Хайдеггер, М. Время и бытие: Ст. и выступления / пер. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 445 с.

References

- Ankersmit, F. (2007), *Vozvyshenny istoricheskiy opyt* [Sublime Historical Experience], Transl. by Oleynikov, A. A., Evropa, Moscow, Russia (in Russ.).

Feyerabend, P. (2007), *Protiv metoda: Oчерk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge], Transl. by Nikiforov, A. L., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Griftsova, I. N. (2021), “The image of a modern philosopher: L. A. Mikeshina”, *Values and meanings*, 1, 6-23 (in Russ.).

Heidegger, M. (1993), *Vremya i bytie: Statyi i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches], Transl. by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Kovtun, E. N. (1999), *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka)* [Poetics of the Extraordinary: The Artistic Worlds of Fantasy, Magic Fairy Tale, Utopia, Parable and Myth. Based on the Material of European Literature of the First Half of the 20th Century], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Kovtun, E. N. (2008), *Khudozhestvenny vymysel v literature XX veka* [Artistic fiction in the literature of the 20th Century], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2008), *Filosofiya poznaniya. Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Philosophy of cognition: Problems of epistemology of knowledge in the humanities], Kanon+, Reabilitatsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Sapkovsky, A., “No Gold in the Gray Mountains”, *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [Electronic library RoyalLib.com] [Online], available at: https://royallib.com/read/sapkovskiy_andgey/net_zolota_v_serih_gorah.html#55642 (Accessed 20 August 2024) (in Russ.).

Sartre, J-P. (1989), “Existentialism Is a Humanism”, *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], in Yakovlev, A. A. ed., Politizdat, Moscow, Russia, 319-344 (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (1994), “About fairy tales”, *Priklyucheniya Toma Bombadila i drugie istorii* [The Adventures of Tom Bombadil and Other Stories], Severo-Zapad, Akademicheskii proyekt, St. Petersburg, Russia, 365-450 (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (2009), *Vlastelin kolets* [The Lord of the Rings], Transl. by Kistyakovskiy, A. A. and Muravyov, V. S., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (2015), *Sil'marillion* [The Silmarillion], Transl. by Likhachyova, S. B., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Унукаев Глеб Андреевич, аспирант кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, строение 1, г. Москва, 119435, Россия; zzogark@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Gleb A. Unukaev, PhD Post-Graduate Student, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; zzogark@gmail.com